

Поэмы Скаррона «Тифон» и «Вергилий наизнанку» были широко известными в Европе образцами «низкого» бурлеска; в этой разновидности жанра античные герои и их подвиги описывались в нарочито грубом и сниженном стиле.¹⁰ Подобный низкий род поэм возмущал Буало, и своей собственной поэмой «Налой» он ввел в литературу род «высокого» бурлеска или, как он называл его, «ирои-комическую поэму» (*Poëme héroï-comique*). В предисловии к «Налой» Буало объяснил, что он пытался изобразить низких героев и низкие события высоким слогом. Несмотря на терминологическую путаницу, влияние Буало было таким сильным, что «высокий» бурлеск, или ирои-комическую поэму, стали предпочитать «низкому» бурлеску как во Франции, так и в Англии. В России, однако, А. П. Сумароков, главный приверженец литературной теории Буало, проявил в данном случае известную самостоятельность. В своей основной теоретической декларации 1748 г. («Эпистоле о стихотворстве») он решился одобрить оба вида бурлеска, и «высокий» и «низкий». Здесь Сумароков приводит несколько примеров травестирования и вслед за ними поясняет: «Стихи, владеючи высокими делами, В сем складе пишутся пренизкими словами». Дав несколько примеров ирои-комического стиля, он вновь поясняет: «В сем складе надобно, чтоб Муза подала, Высокие слова на низкие дела».¹¹ Сумароков не считал, что из двух видов бурлеска должен быть предпочтен какой-то один. И все же первая опубликованная в России бурлескная поэма принадлежала к «высокому» виду бурлеска, в защиту которого выступал Буало. Это была ирои-комическая поэма Майкова «Игрок ломбера», которая появилась в 1763 г.

Без сомнения, Чулков знал и «Эпистолу» Сумарокова и ирои-комическую поэму Майкова. В собственных поэмах, которые были впервые напечатаны в журнале «И то и сьо» 1769 г., Чулков равно использует и «высокий» и «низкий» бурлеск, в то время как в его прозе черты «высокого» бурлеска определенно преобладают. Комический эффект бурлеска обоих типов основывался на несоответствии между содержанием и языком, и именно это комическое несоответствие стало основополагающей чертой стиля прозы Чулкова.

Бурлеск используется Чулковым на протяжении всей вводной части и в историях, рассказываемых монахом, но чаще всего он применяет его в самой длинной из повестей монаха, «Сказке о рождении тафтяной мушки», к сожалению никогда не переиздававшейся. Действие этой повести, которая начинается в середине третьей части «Пересмешника» и завершается в пятой, скорее всего происходит в том же месте и в то же время, что и действие

¹⁰ О роли Скаррона в становлении бурлеска см.: Morillot Paul. *Scarron et le genre burlesque*. Paris, 1888; Bar Francis. *Le Genre Burlesque en France au XVIII-e siècle*. Paris, 1960.

¹¹ Сумароков А. П. Избр. произв. Л., 1957, с. 123.